

А.В. Щербаков

Кандидат культурологии кафедры теории и истории культуры ФГОУ ВПО Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена (г. Санкт-Петербург)

Зарождение идеологии иосифлянства: преподобный Пафнутий Боровский и святитель Новгородский Геннадий (Гонзов)

Концепция деятельного, созидательного понимания культуры, отраженная в жизни и деятельности преподобного Иосифа Волоцкого, унаследована им от своего учителя и наставника, игумена Рождественско-Богородичного монастыря г. Боровска Пафнутия. Как писал Г.П.Федотов, «находясь непрерывно в обществе Великого старца, преподобный Иосиф усовершенствовал по его примеру свой нравственный характер, отражая в себе образ своего наставника»¹.

Нам хотелось бы проанализировать духовную деятельность преподобного Пафнутия Боровского, внесшего значительный вклад в становление личности преподобного Иосифа Волоцкого. Пафнутий создал предпосылки возникновения идеологии иосифлянства как течения русской религиозной и политической мысли конца XV — начала XVI вв. Именно «в XV в. мы знаем только двух святых этой школы, но им принадлежало будущее: Пафнутия Боровского и Иосифа Волоцкого»². Они считали необходимым для Церкви не только владеть имуществом, деньгами, а шире — заниматься всеми видами хозяйственной деятельности и благотворительностью.

Пафнутий Боровский (1394—1477) был внуком крестившегося татарского баскака³. Это крещение, вероятнее всего, произошло после всеобщего восстания Северо-Восточной Руси против татар в начале 60-х гг. XIV в. «Один из баскаков, дед блаженного Пафнутия, изволил благочестие принять и баней Божественного Крещения родиться от воды и Духа, назван был Мартином и жил во всяком благочестии»⁴. Родители преподобного Иван и Фотиния также были крещены и занимались благотворительностью, жили в большом наследственном селе Кудиново, в трех километрах от города Боровска. В возрасте двадцати лет Пафнутий постригся в монахи Покровского монастыря г. Боровска. Следующие двадцать лет Пафнутий проводит в этом монастыре. По окончании прежнего настоятеля братия избирает его преемником. Это произошло при святителе Фотии, Митрополите Киевском и Всея Руси. Игуменом Покровского монастыря Пафнутий был 10 лет. Затем оставил обитель и в 1444 г. основал собственный монастырь в трех верстах от Боровска. «Монастырь находился на берегу реки Протвы, по монастырским владениям протекала река Истерма. Близ монастыря лежит два селнца: Рощинская и Ребушевская слободы»⁵. Говоря о личности преподобного Пафнутия, Г.П.Федотов отмечал, что «в игуме-

не ярко проявляются четыре черты его характера: первая черта — это любовь к труду, физической работе, не как аскетическому упражнению, но ради экономической выгоды. Он был игуменом-хозяином. Вторая черта Пафнутия — грех не должен оставаться безнаказанным. В своей суровости, иногда намеренной, Игумен стоит особняком в русской агнографии. Третьей чертой Пафнутия можно считать милостыню как абсолютное условие спасения. Четвертая черта — независимость нравственного суда от благодетелей монастыря. Он не придерживался нейтралитета»⁶. Рассматривая концепцию Г.П.Федотова более глубоко, можно сделать вывод, что предпосылки иосифлянства у Пафнутия складывались из таких элементов, как:

- 1) активная монастырская хозяйственно-экономическая и культурная деятельность;
- 2) серьезное отношение к духовной жизни, предпосылки к аскетической педагогике;
- 3) благотворительность (помощь бедным, сиротам, вдовым, обездоленным);
- 4) независимо от ранга и вкладов для монастыря, высказывать свое мнение по отношению к данному человеку, к его неверным поступкам;
- 5) придерживаться нейтралитета в политике, но в пользу Церкви.

Монастыри на Руси сочетали в себе несколько важных функций: религиозную, культурную, хозяйственную, благотворительную и военную, и все они органически были связаны друг с другом. В течение 33 лет игуменства Пафнутия в сферу хозяйствования монастыря входили: труд, обмен произведенным, потребление произведенного трудом, организация всего этого, а в ценностно-культурной сфере были иконопись, переписка книг, летописание и огромная библиотека.

В результате повышения благосостояния монастыря он мог оказывать благотворительную помощь нуждающимся: кормил в голодные годы до тысячи человек, содержал больницу для иноков. «В библиотеке находились книги Священного Писания, переводы Отцов Церкви, были азбучники — целая энциклопедия тогдашних знаний, в них помещались статьи по философии, богословию, пению, естествознанию, истории, толкованию иностранных слов и множество необычных сведений»⁷. По словам краеведа Д.И.Малинина, «в библиотеке имелось много рукописных и древних сочинений, также копии жалованных грамот»⁸. Преподобный Пафнутий отлично знал церковные каноны, на выполнении которых он настаивал в 1441 г.; когда Собор русских епископов избрал нового Митрополита без согласия Константинопольского Патриарха и, следовательно, Церкви, «Пафнутий не признал этот акт, посчитав его неканоничным, и подвергался строгому наказанию от Митрополита Ионы. Он также держался независимо перед князьями и другими богатыми людьми»⁹. Пафнутий был человеком тонкого вкуса. Для него красота, искусство становятся самоценными. Он преклоняется перед ними так же, как перед святыми. Добро, красота, истина для боровского Игумена составляли одно целое. Красота у него реализовывалась как добро, а добро выявляло свою полноту именно в красоте. Преподобный Пафнутий считал одним из основных дел своей жизни «большую каменную церковь. Она была богато украшена живописью, снабжена утварью и книгами на удивление князьям и простым людям»¹⁰.

Это был пятиглавый собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Высота составляла 21 сажень (примерно 37 м). «Стены были сплошной кладки из толстого кирпича, продолговатого, обожженного и тяжеловесного. Наружные

стены гладкие, без штукатурки. По каждой стене с самого низа проведены вверх по четыре пилястры, две из них по углам, а две на середине стены, в равном расстоянии одна от другой, с квадратами между ними, а сведены вверх в три арки, под которыми были изображения святых. Фонари на храме сквозные, высокие, выведены из кружал, обставлены мысообразными теремками. Главный фонарь на середине с восьмью окнами, узкими, продолговатыми, сверху дугообразными, с наличниками из кирпича. Под окнами и вокруг фонарей проведены висячие арки в два валика с гирьками. Кресты на главах железные, прорезные, четвероконечные с малыми крестиками на концах. На вершине крестов короны прорезные, а в подложке полудуния». Далее Д.И.Малинин продолжает, что «внутри храма своды поддерживаются четырьмя столбами с карнизами сверху — два среди храма, а два позади иконостаса. В стенах голосники, а в северной части и лестница с узкими окнами. Алтарь трехабсидный»¹¹. Большую роль в убранстве собора сыграли известные иконописцы Митрофан и Дионисий (в дальнейшем Дионисий был верным другом и соратником преподобного Иосифа Волоцкого). Д.И.Малинин отмечает: «Митрофан и Дионисий раскрасили живописью «чудно вельмы», так, что красоте храма и его благолепию дивились сами самодержавцы русской земли»¹². Вокруг монастыря, в начале, был поставлен деревянный забор (охраняющий монастырь от хищного зверя). Затем возведены «каменные стены длиной 316 сажен (около 570 м), с одной круглой и 5-ю четырехугольными трехъярусными пирамидальными башнями. По стене устроены ходы вокруг монастыря с бойницами и осадными стоками»¹³.

Из этого описания можно сделать вывод: именно на Руси при строительстве церквей сразу же обозначалась тенденция к приданию выразительного силуэта, к вертикальному развитию форм и луковичной главе. В начале XX в. Е.Н.Трубецкой поясняет, что «луковичная форма церковных куполов объясняет самое главное — религиозно-эстетическое значение: “луковица” в нашей церковной архитектуре»¹⁴. Продолжая мысль Е.Н.Трубецкого, А.И.Зеличенко пишет: «Луковица» — это не что иное, как свеча: большая свеча появляется из малой, и пламя свечей, глав куполов, сливается в один общий костер»¹⁵.

Впоследствии преподобный Иосиф Волоцкий во многом брал пример с Пафнутия Боровского. Для боровского игумена культура выступает в интегрирующем, педагогически значимом качестве, как сакральный и эстетический опыт, как реализация духовного и личного общения. В этом смысле он создает «своеобразную школу старчества, духовничества, распространяющую свое влияние далеко за пределы монастыря, воспитал целую школу духовников»¹⁶. Эта школа явилась как бы предтечей знаменитой «аскетической педагогики» преподобного Иосифа Волоцкого. Так, В.О.Ключевский констатировал: «Макарий называл Пафнутия “дедом” той партии в русском монашестве XV—XVI вв., которую звали иосифлянами, по имени знаменитого ученика Пафнутия — Иосифа, который напоминает черты Пафнутия — стремление к дисциплине и внешнему порядку»¹⁷. Таким образом, в деятельности преподобного Пафнутия можно видеть предпосылки будущей идеологии иосифлянства, создателем которой стал преподобный Иосиф Волоцкий.

Вторым человеком, сыгравшим значительную роль в становлении этой идеологии, был архиепископ Новгородский Геннадий (Гонзов).

Геннадий (Гонзов) родился в Москве, год рождения неизвестен (? — 17 декабря 1504 г.). Можно предположить, что родители были знатного рода,

так как «муж был сановитый, разумный и добродетельный и Божественному Писанию довольный, что было большой редкостью в те времена»¹⁸. Геннадий был иноком Валаамского монастыря. До 1480 г. жизнь и деятельность святителя Геннадия в источниках не просматривается. Можно с уверенностью сказать только то, что в этот период времени он переселился в Москву в Чудов монастырь (Алексеевский Архангело-Михайловский) — мужской монастырь в Московском Кремле. В 1480 г. при Митрополите Московском и всея Руси Геронтии он становится архимандритом Чудова монастыря. В 1483 г. под руководством Геннадия начинается строительство первого каменного храма в честь святителя Алексия, но строительство огромного храма вскоре приостановилось вследствие того, что 12 декабря 1485 г. Геннадий был избран архиепископом Великого Новгорода для усиления церковного влияния Московской митрополии. Тем не менее Геннадий поручил достроить храм двум братьям-грекам «посылаше им серебро довольно на совершение храма того и трапезы и палат»¹⁹.

Назначение архиепископом Новгородским впервые произошло без жребия, но по согласованию с Великим князем. Геннадий активно включился в деятельность Новгородской епархии и вводит в ней иерусалимский сокращенный богослужебный устав. Архиепископ отличался стойким, независимым характером, не способным жертвовать делом в угоду «сильным людям». Ко всему относился с душой, в интересах Православия. Эти качества перенял от него в своей деятельности и игумен преподобный Иосиф Волоцкий, монастырь которого принадлежал к Новгородской епархии.

Геннадий считал одной из главных задач архиерейского служения единство Церкви в Московском государстве, как в Москве, так и в Новгороде. Он, желая поднять образование священнослужителей своей епархии на должный уровень, делает все возможное для этого: сам обучает духовенство проведению фрагментов церковных служб и некоторых богослужебных действий, а также проводит собеседование со священнослужителями о их пасторском служении с сознанием своего дела. «Он хиротонисал в священников и диаконов таких, которые долго учились у него, и они оказались светилниками миру, истинными пастырями и учителями порученной им паствы, а все люди получили от них великую пользу»²⁰. Архиепископ ведет переписку с Великим князем и Митрополитом по строительству училищ для подготовки священнослужителей. В его епархии активным сторонником новых начинаний является игумен Волоколамского монастыря, который с самого основания своей обители активно занимается просветительской деятельностью: обучает грамоте иноков и готовит из более способных священнослужителей. Геннадий любил и уважал преподобного Иосифа Волоцкого и доверял ему: «сделал игумена наместником над церквями Волоколамской области, поручил ему церковный суд в них и сбор церковных доходов, уделяя из них ежегодно Иосифой обители»²¹. Одним из основных дел архиепископа Геннадия была борьба с ересью «жидовствующих», продолжавшаяся почти двадцать лет. Этот период времени для архиепископа был наиболее сложным в духовном и моральном отношении.

Ересь зародилась в Новгороде, который был на тот период «почти европейским городом». Она отвергала все догматическое учение Православной Церкви, но практически не затронула низов населения. «“Ересь жидовствующих” оставалась, в сущности, чисто интеллигентской, доступной для немногих»²². Она, ересь, захватила преимущественно лишь образованные кру-

ги Новгорода и Москвы, в которые входили члены семьи Ивана III. Новое вероучение возглавляла мать наследника великокняжеского стола Дмитрия-внука, причем возглавляла с ведома и при явном попустительстве Великого князя. К еретикам примыкал сам Митрополит всея Руси Зосима, которого практически избрали формально. Во избежание возможных разногласий к выборам Митрополита не был допущен архиепископ Геннадий. Подобный стиль отношений Ивана III с представителями духовной власти, вероятнее всего, одобрялся еретиками и, быть может, внушался ими Великому князю. Ересь «жидовствующих» не была обычной ересью, «она больше напоминала идеологию государственного разрушения, заговора, имевшего целью изменить само мироощущение русского народа и формы его общественного бытия»²³. В такой обстановке архиепископ Геннадий ведет, в силу своих возможностей, активную борьбу: пишет Послания всем епископам митрополии, но те были далеки от центра ереси и напрямую зависели от митрополита. В результате Геннадий начинает сам борьбу с узким кругом единомышленников, в том числе и игуменом его епархии — преподобным Иосифом Волоцким. Они защищают Православие, ведут активную борьбу с иноверием. Именно Геннадий является первым апологетом православной веры в борьбе с ересью «жидовствующих». По словам Д.И.Иловайского, «Геннадий является начальным борцом с ересью, а борьба с ересью дала толчок русской письменности»²⁴. Именно архиепископ Геннадий был первым, кто положил начало гуманитарному возрождению молодого Московского государства. На тот период времени, кроме бедственного состояния богослужебных книг, Русская Церковь испытывала еще одну проблему: отсутствовал полный текст Библии. Этим воспользовались еретики, которые открыто противопоставляли свои антропоцентрические взгляды теоцентрическим. «Жидовствующие» для распространения своего лжеучения пользовались преимущественно Священными книгами Ветхого Завета. Между тем как у православных верующих, так и у самого архиепископа не было полного собрания таких книг. С 1489 г. святитель Геннадий сосредоточил все свои силы на их приобретении. Он пишет Послания по всем епархиям Московского государства о сборе книг Ветхого и Нового Заветов. Около 1496 г. архиепископу, с большим трудом, со многими лишениями, удается впервые собрать все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов в славянском переводе. По всей вероятности, в создании этого рукописного свода всех библейских книг принимал активное участие игумен Волоколамского монастыря преподобный Иосиф, так как в его библиотеке находилось большое количество библейских книг. Кроме упомянутого нами полного свода библейских книг, «Геннадием, — по словам Д.С.Лихачева, — в 1490 г. в качестве противодействия ереси были записаны “Речи посла цесарева Георга фон Турна”, где рассказывалось об испанской инквизиции, изгнании евреев из Испании и направлена против светского гуманистического ядра еретиков»²⁵. Таким образом, Геннадиевская Библия и «Речи посла цесарева Георга фон Турна» играли одинаково важную роль в антиеретической деятельности Геннадия. В течение тридцати четырех лет с момента рождения ереси и до ее разгрома в 1504 г. дальнейшая судьба Московского государства и само его существование находились под вопросом, и в этом уничтожении огромную роль сыграли архиепископ Новгородский Геннадий и продолжатель его идей игумен преподобный Иосиф Волоцкий. А.И.Солженицын констатирует: «Преодоление ереси “жидовствующих” дало

толчок духовной жизни Московской Руси конца XV — начала XVI вв., осознанию необходимости духовного просвещения, школ для духовенства, а именем еп. Геннадия связано собрание и издание на Руси первой церковнославянской Библии, еще не существовавшей как единое собрание на православном востоке»²⁶.

Таким образом, архиепископ Геннадий и его верные помощники вели неукротимую борьбу за спасение Русской Православной Церкви и русской православной государственности. Бессмертен подвиг сокрушителей ереси «жидовствующих» святителя Геннадия и преподобного Иосифа Волоцкого, благодарно причисленных к лику святых.

Мы, живущие в XXI в., обязаны этим подвижникам тем, что они сорвали замысел «жидовствующих» овладеть Святой Русью изнутри, посредством внедрения в сферу высшей власти, — это прием, который не раз потом еще будет применен в нашей истории противниками России.

Примечания

- ¹ Федотов Г.П. Очерки русской религиозности: В 2 ч. М., 2004. С. 290.
- ² Там же. С. 255.
- ³ Баскак — воевода, стоявший над русским князем и имевший в своем подчинении войско и мелких чиновников, которые наблюдали за деятельностью князя, разбирали тяжбы, переписывали население и собирали подати (здесь и далее примечания автора).
- ⁴ Преподобный Пафнутий, Боровский чудотворец. Свято-Пафнутьев Боровский монастырь, 2004. С. 5.
- ⁵ Малинин Д.И. Калуга. Историко-краеведческий очерк. Калуга, 2006. С. 172.
- ⁶ Федотов Г.П. Очерки русской религиозности: В 2 ч. Ч. 2. С. 255.
- ⁷ Малинин Д.И. Калуга. С. 175.
- ⁸ Там же. С. 174.
- ⁹ Федотов Г.П. Очерки русской религиозности. Ч. 2. С. 258.
- ¹⁰ Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский. История Русской Церкви. М., 2001. С. 395.
- ¹¹ Малинин Д.И. Калуга. С. 172.
- ¹² Там же. С. 171.
- ¹³ Там же. С. 173.
- ¹⁴ Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе: Умозрение в красках; Два мира в древнерусской иконописи; Россия в ее иконе. 1991. С. 77.
- ¹⁵ Зеличенко А.И. Свет жизни. История человечества в психосфере Земли. М., 2006. С. 564.
- ¹⁶ Малинин Д.И. Калуга. С. 174.
- ¹⁷ Клибанов А.И. Реформационные движения в конце XV — начале XVI веков. М., 1960. С. 213.
- ¹⁸ Сергий (Логошин), иеромон. Святые Земли Новгородской: В 2 т. Т. 2. Великий Новгород, 2006. С. 914.
- ¹⁹ Там же. С. 772.
- ²⁰ Там же. С. 914.
- ²¹ Там же. С. 805.
- ²² Лихачев Д.С. Новгород Великий. Очерки исторической культуры Новгорода XI—XVII вв. Л., 1945. С. 84—85.
- ²³ Иоани (Снычев). Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 122.
- ²⁴ Иловайский Д.И. История России: В 6 т. Т. 3: Собиратели Руси. М., 1996. С. 468.
- ²⁵ Лихачев Д.С. Великая Русь. История и художественная культура. М., 1994. С. 323.
- ²⁶ Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795—1995). Ч. 1. М., 2001. С. 22.